

**Группа SilverCast представляет
фантастический рассказ
по мотивам музыкального альбома «Chaos Engines»**

ИМЯ ХАОСА

ГЛАВА 3

Белый искусственный свет ровно опускался на стеклянные лепестки, листья и стебли цветов и, уже отраженный и преломлённый ими, скатывался вниз, чтобы там его поглотило матово-черное стекло почвы, кое-где ровное, а в иных местах уложенное пластинами или мелко раскрошенное пробивающимися насквозь побегами.

В зимнем саду опять ненадолго воцарилось хрупкое молчание. Садовник прижался к одной из колонн, поддерживающих массивный стеклянный потолок, и стоял, молча уставившись в обсидиановый пол. Сейчас он безотрывно смотрел на один из изгибов сложного негеометрического рельефа, которым были покрыты каменные плиты и к которому снова и снова возвращался в течении разговора его взгляд, так, как будто это место в рисунке отличалось чем-то особенным.

- Она ещё может бежать одна. До полнолуния достаточно времени, и ты контролируешь себя. Сделай ей больно, оскорби, унизь. У меня много друзей в миру. Садам повсюду будут рады.

- Ты – дракон, - тихо произнёс Садовник, а потом поднял глаза на своего механического собеседника, - ты – Дракон! - прокричал он. Сад, реагируя на своего хозяина, начал отчаянно менять цвета бутонов и листьев, отчего в помещении хлынула, отражаясь от черного пола и прозрачного потолка, яркая какофония цвета. - Ты защитник этого Храма, ты хранитель этого места, ты опора, ты гарантия нашей безопасности. Ни в Храме, ни в миру нет оружия, которое может тебе навредить. Почему же ты не можешь спасти её от меня? Для чего ей бежать? Куда? Её найдут и убьют. Никто из твоих друзей не защитит её от Коды. Но от меня? Ведь я знаю, что ты можешь защитить её от меня! Нам нужна всего одна ночь!

- Я защитник самого Храма, а не тех, кто в нём находится, - ответил Дракон, и от его дыхания цветы поблекли, став вновь прозрачными и задрожав тонким перезвоном. - Она твой мастер. Так сказал центр. И то, что произойдёт между вами, нужно Храму. Будь это соцветия маргариток, которые она вырастит, или её кровь на стеклянных листьях.

- Но Ювелир – твой друг... - начал вновь Садовник, опустив безвольный взгляд на так занимавший его изгиб узора

- Мне нужно попросить его сделать так, чтобы она перестала тебя любить и бежала от тебя, испугавшись? Чтобы центр её отозвал в страхе за её жизнь? Она получала отзыв в другой сад каждый месяц в пору полнолуния на протяжении восьмидесяти лет. Каждый месяц! До того полнолуния, перед которым вот здесь, на этом самом месте ты взял её, Садовник. Скажи мне теперь, что центр ошибся. Скажи мне теперь, кого ещё и о чём я должен просить, если ты сам не смог себя упротить сдержаться?!

Снова повисла тишина.

- Ты прав. Извини меня, Хранитель, - Садовник умолк ненадолго, а затем вновь добавил, - Может быть, ей повезёт. Как скоро ты сможешь оповестить своих друзей о том, что ей нужен приют?

Дракон не ответил. Он молча смотрел на мастера: женщину в плотном кожаном переднике, державшую в руках одну высокую перчатку и затыкавшую за пояс с инструментами вторую. Каштановые волосы были заплетены в свободную косу, не перехваченную ничем и оттого уже начавшую распускаться. Она стояла в дальнем конце сада и смотрела на них – Хранителя и Садовника, и её тронутые морщинками, но всё ещё

красивое лицо излучало тревогу, но не печаль. Удивительное чувство, которое Дракон испытывал каждый раз, когда был здесь, в зимнем храмовом саду, - чувство какой-то особенной красоты сейчас словно струилось из неё, распространяясь всё дальше с каждым неосознанным движением плеч, с каждым застенчивым отблеском попавшего на волосы света.

- Линора, - назвал её по имени Садовник, то ли окликая, то ли умоляя сказать, что она не слышала ничего из сказанного здесь в эти прошедшие несколько часов.

- Ты всё знаешь, и я не должна тебе ничего говорить, - сдержанно начала она. - Это моё место. Моё назначение, и я никуда не убегу отсюда.

- Это смертельно опасно, любовь моя.

- Это всего лишь ночь. Всего лишь ты и всего лишь я. Вместе мы сильнее твоего гнева. Мы справимся, ты мой, мой, слышишь ли? И я никогда не покину тебя. Я твой мастер. У меня есть только одна судьба, и теперь я вижу её. Чувствую так, как будто бы она ещё один наш цветок. Теперь я вижу – она есть, и я не сомневаюсь больше.

- Я демон, Линора, любовь моя. Я только тот, кто я есть, и не могу измениться. Я хотел бы бросить вызов своему предназначению, стать тем, кто может быть с тобой, но это вне моих сил. Мы... мы, демоны, ходим и говорим, мы даём защищаем и убиваем вас, но наше существование – лишь жалкое подобие жизни. У нас нет выбора.

- И я принимаю тебя. Тебя, как ты есть. И я с тобой.

- Да. Но если я не могу для тебя измениться – не существует нас вместе. Нет нас как единого целого. Что может лишь одна твоя любовь? Твоя отвага и стать, твоя доброта? Они просто дороги к твоей смерти, Линора. Смерти от моей руки!

Цветы потемнели. Свет померк, и где-то там, внутри Дракон мог бы видеть их тела, сплетённые в отчаянных объятиях, если бы остался и смотрел.

Кода поднялась с ложа и, оглянувшись на Первозжреца, направилась к выходу в коридор, который был наполнен щемяще пронзительным звуком от перемещающихся в сложной последовательности стен.

«Что сегодня видело твоё зеркало, соблазнительница?» - спрашивал он, снимая с неё платье, уже начиная ласкать губами, властно сдавливая сильными пальцами её белую грудь. На его ладонях до сих пор оставались частички мрамора от статуи Сотворителя, что находилась в Святилище. Ничтожно маленькие, они всё равно жглись, но от их присутствия ей всегда становилось спокойнее.

«Величие Создателя, сотворившего моё лицо», - отвечала она, изящно опускаясь на шелковые простыни, которые так ненавидела за гладкость и холод.

«Не в прелести ли ты от собственного тела?» - шептал он, щекоча дыханием её ухо, шею, крепко удерживая её бедра в неудобной позе, причиняя боль, до которой ему не было дела.

«Прелесть — какой подходящий для меня грех», - заливалась она золотистым, как её волосы, смехом и отдавалась, отдавалась, несмотря на собственную боль, которая, как она надеялась, не волновала даже её саму.

Этот Храм, этот город, из которого горизонт можно было увидеть, только если смотреть в сторону мира, никогда не спал, не замедлял своего движения, не прекращал круговорот слёз и смеха, которые звучали в нём. Этот Храм создавал и поглощал сам себя ежечасно. Этот Храм творил всех, кто был в нём и в миру, по мере того как поглощал Хаос. Вечная битва между первозданным безумием и порядком была той изначальной трагедией, которая заставляла жить этот мир. Мир, который не был готов сражаться.

Они ждали вместе. Тело погибшего голема уже давно унесли и сдали в переработку, испорченные части мозаичного пола были заменены. Теперь, после трудов кропотливых

механизмов-служек никто и никогда не смог бы определить, куда приземлилось тяжелое орудие, повредив рудные самоцветные камни, будто они были просто цветным стеклом.

Телескоп всё ещё был настроен на прошлую точку наблюдения, и сегодня из него мало что можно было бы разглядеть, но, ни Ювелир, ни Дракон не собирались смотреть на звёзды. Над Храмом зависла полная луна, которая, словно уставившийся на мир глаз циклопа, уже одним своим существованием делала обстановку Храма напряженной. Никто не спал, когда на Храм взирала полная луна. Эта дочь света, падчерица порядка, подставляла свои бока из бело-голубого металла рассеянным источникам света, встроенным в её внешнюю оболочку, и готовилась вступить в активную фазу, когда магнитное поле под её действием изменится и вслед за ним изменится всё и вся, что зависит от лунных циклов.

Активная фаза, то есть время, в которое Садовник должен был обернуться вороном и уничтожить свой сад со всем, что в нём находилось, длилась всего несколько часов. Но стальные крылья с их разрушительными взмахами, острые когти и клюв были орудиями куда более грозными, чем боевые клинки многих защитников-мастеров. Всякий раз после полнолуния сад напоминал гигантское подобие разбитой хрустальной вазы.

Големы собирали осколки, которые потом гранились и использовались в механизмах и для украшения стен, витражей или бижутерии. Выращенное в зимнем саду стекло обладало особыми физическими и оптическими свойствами и никогда не имело цвета. Стекло выглядело цветным, только пока сами цветы были живы, и полностью зависело от того, что чувствовал Садовник. Иногда ему удавалось придать цвет осколку, но это длилось всего несколько секунд и было возможно только в его руках.

Ключевым моментом в ежемесячном цикле жизни сада было его полное уничтожение. Именно полное. Единственной константой сада был сам Садовник. Линора была, конечно, не единственным мастером, который помогал выращивать цветы. И многие уже погибли в активную фазу луны, получив от центра приказ быть в саду в момент его уничтожения. Это были разные мастера с разными способностями и целями, но Линору центр нежно берёт. Ювелир уже давно заметил её душу и знал, почему центр поступал именно так, как поступал. Знал, но теперь это знание жёстким жгутом ворочалось в сознании, цепляясь и теребя что-то внутри.

- Я каждый раз смотрю на Танцующую и жду, когда смогу, наконец, с ней разобраться. Когда она там вальсирует, мне всё кажется, что за каждым поворотом её душа, наконец, раскроется навстречу мне. Но этого не происходит. И если я прав – никогда не произойдёт. Она там будет кружиться вечно. Ведь ты знаешь, там нет музыки – она даже дышит бесшумно. В этом-то и проклятье – она танцует с Тишиной, а я смотрю на неё и слышу. Я слышу музыку. Она такая... такая, как работающий двигатель. Точная, яркая, ясная, мощная. Она... идеальная. И я знаю, что однажды она созреет. Я закрываю глаза, а иногда даже не закрываю, но всё равно вижу, как она скользит на коленях, опираясь о мою руку, и я её убиваю, а с другой стороны – знаю, что этого никогда не произойдёт. Как такое может быть?

- В миру есть такое философское течение, - заговорил Дракон, нехотя скрывая свою досаду, вызванную тем, что Ювелир завёл разговор не о хрустальном саде. Но когда демон не знал, чем поддержать друга, он всегда рассуждал о малопонятных и отвлечённых вещах, - оно противопоставляет вдохновение, интуицию и логику. Вроде интуиция и творчество – это одно, а логическое мышление – что-то другое, и их нельзя смешивать.

- Это «течение» ошибается так же, как и все остальные теории, о которых ты мне рассказывал. Вдохновение – просто высшее проявление логики. Мозг считает быстрее, чем замечает сознание.

- Я знаю, - терпеливо произнёс дракон, немного опустив голову.

- Всякий раз, когда ты хочешь сменить тему разговора подобным образом, ты рассказываешь мне об очередном философском течении в мире, - продолжил говорить о своём Ювелир, устремив взгляд на пейзаж, открывающийся с террасы. Там, впереди виднелся горизонт, значит, там был мир. - Откуда ты столько про них знаешь?

Смирившись с тем, что осталось только ждать, Дракон всё же ответил на вопрос друга, уводящий беседу от обсуждения зимнего сада:

- Мне интересен мир таким, какой он есть, а не его определённая часть, как... вам, демонам. Он жестокий, грубый и совсем не справедливый. Он этого не заслуживает. Ты знаешь, что таким, как я, - сильным от самого сотворения, приближенным к Храму - там нечего бояться. Но ты также знаешь яснее всех остальных - это мир, пожирающий лучших своих представителей. Тем, за кем ты пристально следишь, нужно приготовиться стать отбросами мира, если они хотят быть собой. Как бы они ни были уникальны, удивительны, субъективно, в обществе, в сознании своих соседей, они, скорее всего, не станут никем. Это странный мир, Ювелир, он сам не знает, кто в нём настоящий, а кто - нет. Не знаю, следует ли его любить. Но в нём есть какая-то странная тайна, которую я не могу отгадать. Какая-то боль, причины которой я не знаю. Отсылка к нелогичности, которая привязывает меня к нему. И к тебе.

- Знаешь, иногда мне кажется, что существуют особенные механоиды, которые вместо работы сидят за чашкой чая или бокалом вина и придумывают эти самые течения, мысли, теории... и прочее, о чём ты постоянно рассказываешь.

- Если говорить формально, так и есть, - поддержал разговор Дракон, не сумев скрыть в голосе горечь и разочарование. Следующей фразой Ювелир попытается пошутить и, оторвавшись от горизонта, посмотрит на Дракона так, будто шутка удалась. Когда он так себя ведёт, значит, он ничем не может помочь.

- Да? Удивительно. Ни одного не приходилось убивать.

Они помолчали, слушая, как работает Храм. Этот вечный шум обычно успокаивал Дракона. А впереди был горизонт, был мир. Рыжие огни загорались повсюду, разбегаясь от стройных линий освещения железных путей и уходя далеко вперёд. Ветер здесь, на террасе, был тёплый, почти кроткий, но в нём чувствовалось напряжение, сотканное из множества страхов и предвкушений. Скоро наступит активная фаза Луны, скоро Храм сделает ещё один шаг в Хаос. Персонал Зала Творения уже закончил молитвенные службы и сейчас отправился на посты. Озарённые светом Создателя, мастера были готовы делать самую важную работу в мире - покорять Хаос, сотворять мир.

- Я разговаривал с мастером, прибывшим для установки купола лепестковой развёртки. Это самый опытный из известных мне специалистов. Зная о его опыте постройки защищённых помещений, я выбрал его и синхронизировал его прибытие с лунной фазой. Я думал, что можно как-то повлиять на Садовника...

- Но старик сказал, что это не в его силах?

- Старик напомнил, что нельзя починить то, чего нет, что нельзя обмануть Создателя. Я думаю, он ошибается. Чувствую это где-то в глубине сознания, но вопросы не собираются в ответ. Осталось совсем немного времени до полнолуния.

- Ты мог поговорить с ним раньше.

Перед тем как ответить, Ювелир снова отвернулся от Дракона и взгляделся в горизонт. Сумерки в этот раз были лишены вчерашней помпезности. Небо блекло в холодных тонах, сохраняя в себе только одну последнюю полоску бледного голубого неба, к которой по обе стороны осторожно подбирался мрак.

- Храму с каждым циклом всё сложнее и сложнее делать шаг в Хаос. Он требует больше энергии, новых печалей. Там... там, где горизонт, начинается новая страшная война. Ты ведь знаешь, что такое война, Хранитель? Это россыпи драгоценных камней для Храма. Из войны выходит очень много алмазов. Я не могу себе позволить тратить

драгоценное внимание на пустую болтовню. Будь хоть малейшая возможность что-то сделать, сегодня мы успели бы. Но это невозможно!

– Если отвлекусь от механического противодействия, ты думал о том, как можно заставить центр дать ей другое назначение?

– Да. Я много анализировал эту ситуацию, но понял, что центр слишком долго к этому шел, чтобы отказаться от попытки теперь. То, что сегодня произойдет, было не только спланировано, но и отрепетировано заранее. За последние три поколения я встретил три попытки подбора учеников настолько близких к мастерам, что из них получалась эмоционально очень крепкая пара, и при этом ученик обладал даром, связанным с преданностью, который полностью раскрывался в этой эмоциональной связи. Две из них были удачны, одна нет, но это чрезвычайно много для такого короткого промежутка времени, и я думаю, что пары подбирались специально.

– Я не слышал о подобных ситуациях, - недоверчиво сообщил Дракон.

– Около года назад. И ученица, и мастер были механоидами, так что... ты не мог знать. Ещё одна удачная попытка была где-то за тысячу лет до сегодняшнего дня, это был сапфир из сердца возлюбленного Зимы, очень крупный камень.

– Вот отчего Зима так плакала тогда. Почему ты мне не сказал?

– Я не хотел, чтобы ты винил меня в смертях, о которых я не знаю, - честно ответил Ювелир.

– Ты сказал, что знаешь и о неудаче.

– Моя ассистентка. Ты, может быть, ещё помнишь. Айли, кажется, так её звали.

– Мой друг, я знаю: то, что не связано с драгоценными камнями, ты редко держишь в голове. Но, как и Садовник, ты не устоял, - мягко напомнил Дракон.

– Зря ты думаешь, что если я не взял из её сердца камень, то она не была связана с самоцветом. Если бы в последний день, который она провела в мастерской, я позволил ей закрыть за собой дверь, её душа раскрылась - не успела бы она пройти и десяти шагов. Поэтому я не дал ей уйти, оставаясь в уверенности, что её преданность мне осталась незамеченной и неоценённой. Линору уже не спасти, а что до моей ассистентки — то, когда я оставил её утром в постели её нового дома, она была обеспеченным свободным мастером, может быть, несчастной, но для меня главное — живой.

– Она всё же была дорога тебе? – тон голоса Дракона давал понять, что сейчас Хранитель получил повод думать о своём друге чуть лучше.

– Нет, ты знаешь, что не была. Но камень, который я получил бы с неё, вышел бы маленьким, с трудом поддающимся обработке. Гораздо важнее было её влияние на моего нынешнего ученика. В его душе я вижу большой потенциал. На примере Айли он знает, что я способен на тепло к своим подопечным. Он знает, чего лишается, и это помогает его душе достигнуть пика его истинного дара.

– Ты знал и ничего... - укоризненно начал Дракон

– В Бездну Линору, в Бездну Садовника! - перебил друга Ювелир. - Сад уничтожался миллиарды раз и миллиарды раз создавался опять!

- Сад, который будет уничтожен сегодня, погибнет навсегда. Войдя в то же самое помещение, я больше никогда не попаду в тот сад, который я сегодня покинул.

- Почему именно ты об этом должен думать?

- Знаешь, сколько я знаком с тобой, ты раньше никогда ни на кого, и ни при каких обстоятельствах не повышал голоса, - заметил с печальным интересом Дракон.

- Хранитель, я хочу защитить твоё старое сердце, но...

- Ты не можешь, - оборвал его Дракон, и Ювелир не услышал в его словах обвинения, которого ожидал. А Дракон, подняв, наконец, взгляд на горизонт, продолжил, - ты не можешь защитить меня со всех сторон, от всего, что мне угрожает. Я мог стать не таким, каким стал, я мог никого не любить, как ты. Но я не захотел так сделать. Очень

много потерь в такой краткий срок, очень много. Ты раньше никогда не повышал голоса. Прости, что ты становишься похожим на меня, друг мой. Я отравил твою верность Храму любовью.

Ювелир до боли в пальцах сжал кулак. Маленький бриллиант жёг кожу недавними воспоминаниями. «Не ты это сделал, Хранитель, не ты», - подумал с горечью Ювелир, а вслух произнёс услышанную недавно в миру фразу, которую запомнил как современную идиому и бережно хранил для подходящего случая.

- Вот только сопли по морде не размазывай, - и, оторвавшись от горизонта, он поглядел на Дракона практически победоносно.

- Так уже три столетия не говорят.

Они снова умолкли. Луна загорелась немного ярче, и, словно отвечая ей, вдалеке включилось освещение над ещё одним железнодорожным путём. Новая цепь белёсых фонарей, словно нитка жемчуга, протянутая от Храма к миру, стала видна в опускавшейся ночи. Снова подул ветер, который с приходом темноты стал холоднее. Ювелир поймал себя на том, что по неизвестной причине потянулся к тому месту, где на груди когда-то была целая сетка шрамов, которые сейчас исчезли без следа. Но вертелся в руках мелкий бриллиант, не давая сосредоточиться на разговоре, напоминая, что вот – отложишь что-нибудь сегодня и завтра не сможешь к этому вернуться.

- Хранитель, я хотел знать, как тебе это далось — идти против Безумного Конструктора? Как это – уничтожить собственного создателя?

- Когда мы только входили в города, которые теперь стали запретными, мне было сложно, - начал рассказывать Дракон. Серебряный страж загодя ожидал, что Ювелир, так долго молчавший о гибели брата, рано или поздно, всё же поднимет эту тему. - Я надеялся, что всё может решиться миром. Но мы не сразу поняли, что наши войска шли по ложному следу, оставленному Безумным Конструктором, что его основные силы были брошены не на группу Первожреца, победа над которой гарантировала бы Безумному Конструктору безопасность, а на уничтожение защитных щитов, возле которых остался только ты и твоя небольшая команда. Тогда я перестал надеяться - думал только о том, чтобы успеть прорвать окружение, пока щиты не пали и пока он снова не получил возможность использовать своё оружие. Когда я шел против своего создателя, Ювелир, я шел на защиту Храму, я шел на выручку к тебе. Но, в конце концов, убил Безумного Конструктора не я, это взял на себя Первожрец, так что...

- Я иногда думаю, что он победил бы нас, если бы сам себе не помешал, - высказал мысль, которая давно ему давала покоя, демон. - До того как вы добрались до камня, контролирующего щиты, он уже несколько раз мог меня убить. Из моих бойцов никого не осталось, но меня несколько раз выручали доспехи его работы, и я смог не пустить его к камню, не дать снова шантажировать вас жизнями механоидов и машин. Но он победил меня всё равно и достиг бы своей цели, если бы не ты. Ещё одно его творение.

- Зачем ты вообще заговорил об этом? – недовольно оборвал его Дракон. Он переступил с ноги на ногу и встал немного ближе к другу. Грустные воспоминания затопили душу, как осенний дождь, переплетённый с первым снегопадом – тяжелым. Такой дождь, чуть-чуть не ставший снегом, куда холоднее, чем настоящий снег, видимо, из-за того, что лучше проникает повсюду. Вечерний ветер, который только что казался почти расслабляюще тёплым, теперь пропитался наступающей ночью и магнетизмом луны. Печали для Храма.

Мысленно отругав себя за несдержанность, Ювелир всё же заговорил вновь:

- Хранитель, я тебя хотел кое о чем попросить...

- Да?

- Если я совершу что-то, чего не должен ты... как сказать... ты не иди за мной.

- Ты демон. Такой, какой есть. А я просто большой голем в прямом подчинении Храму. Если мне прикажет Храм – я пойду за тобой, а прикажет другое, пойду против тебя, - сухо ответил Дракон.

- Да, это правда, вот только...

- Что?

- ... ты не знаешь: «такой, какой есть» – это какой?

Думая каждый о своём, они вновь умолкли, а потом Ювелир исчез, потому что не хотел проговаривать с Драконом самые последние слова перед тем, как он пойдет забирать душу Линоры. Последние минуты перед началом активной фазы он хотел провести в одиночестве, и материализовался на крыше, у ската стеклянного купола зимнего сада, куда уже лился голубым водопадом искрящийся свет полной луны. К большому сожалению Ювелира, эта идея пришла в голову не только ему.

Неподалёку уже стояла Кода с бокалом вина, в шелковом алом платье, которое при каждом движении небрежно распахивалось, приоткрывая многочисленные сплетения нитей серебряных кристаллов, выращенных здесь же, в саду. Кристаллическое великолепие было надето по последней моде и призвано украшать тело, когда одежда уже скинута.

Увидев демона, она медленно направилась к нему, не отрывая взгляда и сдержанно, хотя и приветливо, улыбаясь. Тонкие длинные пальцы, узкие запястья изящно запорхали в знаках приветствия, уважения и расположения, которые остались безответными, как и всегда.

Через прозрачное стекло, закреплённое в квадратной сетке железных опор, сад был виден как на ладони. Их длинные тени падали на стеклянные цветы, оставаясь вовсе невидимыми на обсидиановых дорожках между грядками и обнаруживая себя изломанными и преображенными на нетронутых пока цветах. Было очень тихо, но в этой хрустальной тишине Ювелир снова слышал серебряную музыку.

Маленький бриллиант между пальцами никак не давал покоя. Он вертелся, жёгся, он приковывал к себе всё внимание. Здесь, на крыше неуёмно шумел ветер, давая знать о высоте, на которой они находились. Но даже его шум не мог заглушить низкое клочкотание Храма, скрытое от них крышей, погребённое под камнем, металлом и стеклом, но всё такое же живое, говорливое, полное.

Вертелся, поворачиваясь так и этак, заставлял думать о себе осколок прозрачного драгоценного камня. Напоминал, напоминал о том, как оказался у Ювелира. И Ювелир вспоминал о нём. Он смотрел вниз, на обречённый хрустальный сад, но видел, как в пустой дом среди мира входит, еле слышно ступая, юная девушка-механоид.

Это было несколько дней назад. Несколько дней назад Ювелир наконец-то почувствовал алмаз подходящего размера и чистоты для того, чтобы заменить старый камень в сердце Хранителя. Он наконец-то нашел способ продлить жизнь своего друга, несколько дней назад он мог спасти Дракона. Всё было просто: девушка, любившая всю жизнь одного и того же мужчину, за которого готовилась выйти замуж, стала его следующей целью. Девушка с алмазной душой, с редкой, необычайной способностью любить. Вечером, уже почти ночью она нарядилась в свадебный наряд и отправилась к будущему мужу, чтобы, забыв о предрассудках, показать ему платье. Ювелир невидимо шел позади, он чувствовал её душу так, как будто она уже была в его руках.

Сейчас, на небывалой высоте Храма, Соблазнительница глубоко дышала, от чего поднималась идеально очерченная ниспадающим шелком грудь, а Ювелир слышал, как шелестит дешёвое кружево свадебного платья по истёртому клеёнчатому полу бедного жилого отсека. Крохотный бриллиант скользил между пальцами. Маленький, почти крошка. Ювелир чувствовал всем своим существом, как зарделся румянец предвкушения на трогательно круглых щёчках девушки. Как озарилось её лицо радостью, когда под дверь, ведущей из прихожей в столовую, она увидела тонкую полоску рыжего света.

Она пошла вперёд, боясь испортить сюрприз, и застыла перед стеклянной инкрустацией в двери.

Луна засияла немного ярче. Изломанные тени приобрели необычайную резкость.

А там, несколько дней назад, через тонкое стекло, девушка видела, как на столе её жених целовал другую. Как алчно его пальцы ласкали её, как жадно её бедра подавались вперёд, словно желая поглотить, вобрать в себя полностью всё, что только может им предоставить эта ночь. В какой-то момент женщина повернулась, и девушка увидела её лицо. Она её узнала. Видела её раньше. Девушка не знала имени своей соперницы, но поняла очень хорошо – это настоящая любовь механоида, за которого завтра она должна была выйти замуж, связав свою судьбу навсегда.

Изображения женщины, которую теперь целовал её жених, мелькали иногда то тут, то там. Иллюстрацией в модной книге, мотивационным плакатом на улице. И каждый раз, когда взгляд её возлюбленного мимолётно касался их, он грустнел. Её жених тогда молчал остаток вечера или следующего дня. А сейчас она была с ним. В его объятиях она была страстной и пылкой и принадлежала ему. Она смотрела на девушку, и в её взгляде читалось уверенное спокойствие и удовольствие пресыщения.

Раздался первый звон стекла, и Соблазнительница приблизила бокал к губам, чтобы неспешно пригубить выдержанное вино. Свет луны, пройдя через рубиновый бокал, как через фильтр, первым кровавым пятном устремился вниз.

Ступая по собственным следам, тогда, в том старом, изношенном, жилом отсеке, девушка начала двигаться назад. Уперевшись в стену рядом с входной дверью, она неловко повернулась и вышла из дома. Она уходила прочь от своего возлюбленного, прочь от своего несостоявшегося счастья, полностью передавая бережно хранимое годами чувство, как хрустальный цветок, в руки другой, настоящей, любимой искренне и полно её возлюбленным, её единственным. Она отдавала его, как отдавала себя: без страха и без остатка, оставляя своё тело лишь беззвучным отголоском ночного ветра, ласкавшего её сухое лицо.

Гомон работавших в ночную смену цехов, освещённые панорамные окна, покрытые копотью и сажей, проплывали по бокам и уходили в прошлое навеки. Она молча шла, и волочился по земляным улицам, пачкаясь и разрываясь, подол, отделанный белоснежными кружевами.

Граница городка осталась позади, и теперь перед ней открывался вид на угольную разработку открытого типа, черная пропасть, инкрустированная, как янтарём, светом масляных ламп. Её душа зарделась, а Ювелир неотступно был рядом с ней. Он подошёл сзади, его рука потянулась к её грудной клетке, где билось сердце, которое он так долго искал. Бриллиант безупречной чистоты — душа той, чьим даром была истинная жертвенность в любви.

И Ювелир замер. Мир повернулся, сдвинулся на несколько градусов вбок, и он больше не мог заставить себя убить эту девушку. Она закрыла глаза, и капля заскользила по бледной щеке. Набрав скорость, слезинка сорвалась и полетела в темноту.

Девушка выдохнула и пошла дальше вниз, спускаясь в зев карьера, а Ювелир остался стоять на краю, сжимая в руке мелкий драгоценный камень, осколок любви потрясающей крепости и чистоты, в который превратилась её единственная слеза.

- Знаешь, я хочу запомнить, - произнесла тем временем Кода, возвращая Ювелира в настоящий момент уникальной мелодикой своего голоса, - как она будет с ним прощаться. Как ты думаешь, у них будет одна из тех трогательных сцен прощания, когда она будет гладить по щеке и шептать, что он ни в чём не виноват? Я буду шептать эти слова ему ночами, когда ослепший от горя, он будет изливать его всё... в меня. Вдовцы так страстно это делают, как в последний раз. Обожаю утешения с превращениями. В такие моменты я чувствую себя архитектором чужих... ну, обычно это души, - она поднесла бокал близко к

лицу и с какой-то странной нежностью устремила свой взгляд на сад. В её глазах танец вдохновения и страсти танцевала обрекающая луна.

Снова раздался звон стекла. Внизу раскрыл свои крылья стальной ворон. Кода закрыла запястьями уши, продолжая держать своё вино, и с новой страстью вгляделась в глаза Линоры.

Ювелир молча, не отрывая хмурого взгляда, смотрел, как Линора мечется загнанной канарейкой в хрустальной клетке, в одно мгновение ставшей смертельной ловушкой. Распушенные волосы местами уже слиплись от крови. Звон не утихал все несколько часов. Линора много кричала от боли, много звала своего господина по имени, повторяя его, как заклятье, но так и не заплакала ни разу. Соблазнительница оказалась права – она всё простит ему.

Когда хрусталь заскрипел под сапогами Ювелира, Линора была ещё жива. Ловкость и стойкость мастера помогли ей свести повреждения к возможному минимуму, и, тем не менее, кровь оказалась в зимнем саду повсюду. Садовник, вновь обретя свой прежний вид, хлопотал над ней, стараясь перевязать хотя бы самые крупные раны.

Она могла бы, не без помощи Исцелителя и Длани Милосердия, выжить, но Ювелир видел, как раскрывается кристальный бутон её чистой души. Жертвенность в любви. Алмаз. Увидев Ювелира, Садовник застыл, и пока демон ещё не приблизился, начал быстро и сбивчиво что-то шептать Линоре. Он приподнял её на руки, а она гладила его щеку нежно и слабо, оставляя алые линии на ещё отдававшем воронёной сталью лице.

Садовник вскинул взгляд, и Ювелир прочёл в его глазах страх и мольбу, решимость бежать и отчаяние. А потом он снова посмотрел на Линору. Их взгляды ласкали друг друга, и Ювелир забрал её душу в тот момент, когда она простила, простила Садовника, Ювелира, Дракона, центр, простила их всех за свою смерть. Бутон раскрылся, явив миру свою красоту. Взгляд женщины замер, став прозрачным как горный ручей... хрустальным, а осколки сада зарделись алым все до одного, и теперь сад то ли до краёв стал залит кровью, то ли кровь растворилась во всём этом битом стекле.

Когда Ювелир выходил, сад выглядел холодным и пустым, лишённым какой-то особенной тайны, души. Превратился в обычное опустошенное помещение под стеклянной крышей. В него уже начали входить големы, которые собирали стекло и вместе с ним забирали последние остатки странного чувства, которое... которое... делало Храм домом.

Кода нагнала Ювелира в коридоре, радостно и громко окликая. Демон не остановился ни на секунду.

- Смотри, смотри, какая красота, – щебетала она, вертясь перед ним так, чтобы платье как можно больше приоткрывалось. Ювелир взглянул, а затем притянул её к себе и резко порвал плечевой шов, стянув ткань почти до пояса с одной стороны. Он внимательно посмотрел на пульсирующие алые кристаллы, которыми одними теперь была прикрыта нагота Соблазнительницы, а затем, заинтересовавшись чем-то другим, взял её за подбородок, приблизившись к прекрасному лицу. Она разомкнула губы, прильнув к нему всем телом, будто грубость демона была прелюдией к сексу.

- У тебя металлические клыки, - процедил Ювелир, оттолкнув Коду назад так, что, не удержавшись на ногах, она упала на гладком полу, и проскользила несколько метров, приложившись локтями о камень.

Ювелир продолжил идти вперёд. Звук его шагов отдавался эхом в ночном коридоре, которое как будто бы только множилось от несмолкающего шума стен и арок, меняющих своё расположение.

Позади Коды, между ней и зимним садом, появился Дракон. Соблазнительница поднялась на ноги, залиvisto рассмеявшись. На лице стремительно блекли кровоподтёки от пальцев Ювелира.

- Всё кончено? – спросил механический страж

- Да, - тихо ответила она. - Видишь? – она буднично повела плечом, по которому явно было видно, что драгоценные украшения под порванной одеждой сияют. - Теперь его сила заставляет даже осколки хрустального сада менять цвет, а не только живые цветы. Думаю, после некоторых упражнений, мы научимся этим управлять. Мудрость Создателя безгранична, и центр не ошибся, как и всегда: в этом миру и этом Храме по-прежнему нет ни единой крупички лишнего.

Дракон смотрел мимо неё на камень, лежавший в коридоре на полу. Обернувшись, Кода переместилась к нему и подняла.

- Душа Линоры. Изумруд. Воплощение силы великого сострадания. Он опять ошибся, Дракон, - в её глазах стояли настоящие слёзы. - Мне очень жаль, Хранитель.

Продолжение следует...

*Нелле
Санкт-Петербург, 2012*